

В толпе нашёлся знаток, во всех красках расписавший заслуги и славу императорского лекаря Шана, чем знатно припугнул очередную ораву бродячих целителей.

Лин Цзюмо презрительно криво усмехнулся:

— Одно слово — трусливое отребье.

Кое-кто из стоявших рядом недовольно насупился, но при виде уродливого лица и вызывающих манер юноши никто не посмел открыть рот.

Наклонившись к самому уху Сюй Нуо, Лин Цзюмо заговорщицки прошептал:

— Как только получу серебро, сразу делай ноги. Всё равно нас никто не догонит.

Сюй Нуо и присниться не могло, что хваленый метод напарника — «и не вылечит, и в могилу не сведёт» — на деле окажется банальным разбоем среди бела дня. От изумления он лишь беззвучно хватал ртом воздух.

Стоило им сделать шаг к воротам, как те с грохотом распахнулись. На улицу вылетел очередной лекарь, весь в крови и ссадинах.

— Бесовщина! Чистая бесовщина! — в панике вопил он, улепётывая со всех ног. — Это не болезнь, это проклятие!

Толпа испуганно ахнула, и в мгновение ока у входа осталось от силы человек семь-восемь. Те немногие, что стояли впереди Лин Цзюмо, помялись, переглянулись и без лишних слов перебежали в конец очереди, подталкивая новоприбывших вперёд заговорщическими взглядами.

Из дверей вышли двое слуг и с напускной вежливостью спросили:

— Кто-нибудь ещё желает осмотреть молодую госпожу?

Лин Цзюмо, не говоря ни слова, крепко сжал запястье Сюй Нуо и увлёк его за собой внутрь.

Едва переступив порог, Сюй Нуо уловил странный, едва заметный запах свежей крови, тонкой струйкой витавший в воздухе.

Плутая по бесконечным переходам усадьбы, они наконец приблизились к покоям молодой госпожи Юй. Ещё издалека до них донеслись истошные женские вопли и причитания.

Канцлер Юй обзавёлся единственной дочерью уже на склоне лет. Сколько бы он ни брал в дом наложниц — а их у него было без малого шестнадцать, — ни одна так и не сумела подарить ему наследника. Разумеется, в ненаглядной дочурке все души не чаяли, оберегая её пуще зеницы ока. Но беда пришла неожиданно: в одночасье девица слегла, принялась нести околесицу и перестала узнавать родных. Лучшие столичные лекари сменяли друг друга один за другим, но уходили ни с чем, едва унося ноги от безумной. Родня пребывала в полном отчаянии: что же делать, как спасти дитя?

Едва гости переступили порог, плач мгновенно стих. Разодетые жёны и наложницы канцлера, сбившись в кучку, испуганно шмыгали носами и украдкой разглядывали вошедших. Разительный контраст между уродством Лин Цзюмо и утончённым изяществом Сюй Нуо лишил их дара речи.

Сам канцлер Юй тоже опешил: он никак не ожидал увидеть столь причудливую пару целителей. Когда слуги удалились, пришельцы просто встали у дверей. Один — с видом заносчивого наглеца, другой — безмолвный и тихий, словно травинка в поле. И судя по всему, ни один из них не собирался обременять себя поклонами. Впрочем, сейчас было не до этикета...

— Позвольте узнать, кто из вас будет осматривать больную? — спросил канцлер Юй, потирая воспалённые от слёз глаза.

Оценивающе взглянув на гостей, он остановил выбор на Сюй Нуо. Хотя лицо юноши и скрывала маска, весь его облик дышал безупречным, почти неземным благородством. «Лишь бы за дело взялся этот благообразный господин, а не его уродливый спутник», — взмолился про себя старик.

— Сначала задаток, — проскрипел Лин Цзюмо нарочито грубым, неузнаваемым голосом. Сюй Нуо даже изумлённо покосился на него.

«Что это за лекарь, который требует плату ещё до осмотра?» — промелькнуло в голове канцлера сомнение. Но отчаяние взяло верх. Скрепя сердце, он велел принести шкатулку с деньгами и, наскоро пересчитав стопку ассигнаций, протянул их Сюй Нуо.

— Позвольте узнать ваше имя, уважаемый мастер?

Сюй Нуо промолчал, но Лин Цзюмо решительно задвинул его себе за спину и выпалил:

— Называй меня господином Ваном.

— Господин... Ван? — канцлер запнулся под тяжёлым, свирепым взглядом лже-целителя и поспешно добавил: — Господин Ван, умоляю, спасите мою дочь! Если вернёте её к жизни, я выплачу вам в десять раз больше!

Сюй Нуо уставился на пачку бумаг в своих руках. В его голове мгновенно запустился привычный математический счёт: «Один к восьми, умножить на сто... Восемь миллионов юаней?!» Пусть он всегда презирал мещанскую жажду наживы, но тяжесть столь внушительного состояния в ладонях заставила его сердце дрогнуть. Деньги здесь делались буквально из воздуха.

Ему стало любопытно, как на это богатство отреагирует напарник. Сюй Нуо поднял глаза и увидел, как Лин Цзюмо, расплывшись в хищной усмешке, зычно хохочет:

— Всё будет в лучшем виде! Раз уж дело попало в руки... господина Вана, можете спать спокойно. А теперь убирайтесь отсюда.

«Убирайтесь?..»

Канцлер Юй онемел от подобной наглости. В этой стране указывать ему на дверь позволялось разве что государю на императорском троне. Однако в следующую секунду он вспомнил слухи о чудаковатых мастерах из Поднебесной: поговаривали, что истинные гении презирают условности приличий и славятся невыносимым нравом. Утешив себя этой мыслью, старик немного успокоился и с мягкой неловкостью обратился к столпившимся женщинам:

— Драгоценные супруги, вы не спали несколько ночей. Ступайте к себе и обождите там.

Некоторые из наложниц продолжали во все глаза рассматривать Сюй Нуо, гадая про себя: неужели этот таинственный незнакомец под маской скрывает уродство ещё более страшное, чем у его крикливого приятеля?

Но Лин Цзюмо истолковал эти взгляды на свой лад. «Строят глазки! Бесстыдно заигрывают с моим Сюй Нуо!» — взвился он про себя и яростно рывкнул:

— Чего застыли? Проваливайте живее!

Канцлер Юй едва не задохнулся от возмущения. Неслыханная дерзость! Какая-то деревенщина смеет повышать голос на Канцлера! Но жизнь дочери висела на волоске. Проглотив обиду, старик натянуто извинился и увёл испуганных женщин прочь.

Когда за хозяевами закрылась дверь, Сюй Нуо наконец перевёл дух и, взвесив на ладони пачку ассигнаций, прошептал:

— А наш канцлер баснословно богат.

Лин Цзюмо высокомерно фыркнул:

— Подумаешь, жалкие крохи. Вот согласишься стать моей женой — я тебе горы золота к ногам брошу!

С этими словами он выхватил деньги у Сюй Нуо и принялся упоённо их пересчитывать.

— Хотя... — Его глаза вдруг лихорадочно заблестели, а на лице расплылась мальчишеская улыбка. Он радостно замахал пачкой перед носом спутника: — Это ведь мои первые по-настоящему крупные заработанные деньги! Ха-ха! Идём скорее в Павильон Трёх Деликатесов, наконец-то наедемся до отвала! А на сдачу закатим такой кутёж...

Лин Цзюмо так увлёкся своими сладкими грёзами, что едва не пустился в пляс.

Но Сюй Нуо было не до веселья. Лицо его внезапно напряглось. Схватив Лин Цзюмо за шиворот, он одним резким движением оттащил его на несколько шагов назад, к самому окну.

Они переглянулись. Снаружи раздался отчётливый, зловещий щелчок засова. Дверь заперли намертво.

«Ах ты, старый лис!» — мысленно выругался Лин Цзюмо. Неужели этот дряхлый чинуша всерьёз думал удержать их здесь с помощью ржавого замка?

В тот же миг в нос ударил приторно-сладкий металлический запах крови.

Из глубины покоев на них вихрем вылетела безумная девица. Растрёпанные волосы висели паклей, а розовое платье было изорвано в клочья. Самым страшным зрелищем были её руки: изломанные, сорванные до мяса ногти дрожали, и с кончиков пальцев безостановочно капала багровая кровь. Но на фоне этого кошмара удивительно чистой, почти ослепительной белизной выделялся пушистый лисий воротник на её шее.

«Неужели это она?» — Сюй Нуо нахмурился.

Он прекрасно помнил взбалмошную и острую на язык девицу, которая закатила грандиозную сцену великому наставнику Чжао Бучжи на Банкете Поиска Ароматов. Как за считанные дни гордая красавица могла превратиться в это исчадие ада?

Прежний живой блеск покинул её глаза, оставив лишь пугающую пустоту. Мокрые от пота пряди облепили мертвенно-бледное лицо. Посиневшие губы непрерывно подрагивали, а зубы были окрашены в багровый цвет — из уголков рта тянулись свежие струйки крови. Не обращая на гостей ни малейшего внимания, девица уставилась безумным, остекленевшим взглядом на запертую дверь. Она с разбегу билась о дубовые доски всем телом, в кровь разбивая и без того покалеченные пальцы, и хрипло, иступлённо твердила:

— Домой... Отпустите меня домой... Хочу домой...

Лин Цзюмо с любопытством прищурился и тихо шепнул напарнику:

— Совсем рассудком повредилась. Разве она не у себя дома?

Услышав его голос, забившаяся в угол девица внезапно замерла. Обернувшись, она уставилась на них и со свистом поползла прямо к ногам Сюй Нуо.

Её взгляд, устремлённый на юношу, разительно изменился: в нём больше не было безумия — лишь мольба, горькая детская обида и робкая, отчаянная надежда.

У Сюй Нуо тревожно ёкнуло сердце. «Это не Юй Жотин...»

Он медленно опустился перед ней на одно колено и мягко спросил:

— Где твой дом?

— Долина Яохуа... — Её голос сорвался на рыдания. Она рванулась вперёд, пытаясь ухватиться за полы одежды Сюй Нуо, но Лин Цзюмо брезгливо оттолкнул её ногой. Упав на холодный пол, несчастная даже не заплакала — упрямо, из последних сил она вновь поползла назад.

«Долина Яохуа?!»

Сюй Нуо резко вскинул голову, пальцы его, всё ещё сжимавшие руку Лин Цзюмо, судорожно напряглись.

Девица наконец доползла до его сапог и, пачкая дорогую ткань кровью, вцепилась в подол его халата.

— Пожалуйста... умоляю... заberi меня домой...

Сюй Нуо осторожно убрал руку Лин Цзюмо, опустился перед ней на колени и аккуратно отвёл с её лица окровавленные пряди волос. На него смотрело исхудавшее, глубоко несчастное лицо.

— Она и впрямь не Юй Жотин, — нахмурился Лин Цзюмо. — Лицо её, спору нет, но капризная канцлерская дочка в жизни бы так не посмотрела.

Уж он-то знал повадки Юй Жотин лучше многих. Эта ненормальная вечно вела себя как мартовская кошка: стоило ей завидеть мало-мальски симпатичного мужчину, как у неё загорались глаза. В своё время она извела его своими домогательствами, да так, что Вэнь Цайэр чуть было не сосватала их насильно. Одной мысли о том, чтобы провести остаток дней с этой вздорной бабой, хватало, чтобы у него по спине пробежали мурашки.

Сюй Нуо медленно протянул руку к белоснежному меху на её шее и тихо, с замиранием сердца позвал:

— Сяо Бай?.. Это ты?

Девушка отчаянно закивала, из её глаз хлынули слёзы. Дрожащими руками она потянулась к его ладоням...

«Сяо Бай, проказник, где тебя опять носило?» — спросил тогда Сюй Нуо, ласково поглаживая её пушистый хвост.

«Мне больно... Смотри, хозяин...» — жалобно заскулил лисёнок и протянул ему крошечную лапку, в подушечку которой глубоко вонзилась острая колючка.

Осмотрев рану, Сюй Нуо уложил лисицу на тёплую каменную плиту. Он отыскал тонкую сосновую иглу, аккуратно подцепил занозу, присыпал ранку целебной травой и бережно перевязал лапку чистым лоскутом ткани.

Сяо Бай уткнулся носом в его грудь, зажмурившись от удовольствия, и с досадой подумал:

«Обидно, завтра ведь лапка уже заживёт... Я же столько кругов по лесу сделал, пока не нашёл самую большую и колючую ветку! Что же придумать в следующий раз? Подразнить лесного ястреба? Или нарочно свалиться с качелей?.. Ох, какие же сложные заботы у маленьких лис».

Сюй Нуо осторожно потрогал её пушистую лапку и улыбнулся: малыш уже сладко посапывал, уткнувшись ему в плечо. Чтобы не тревожить чуткий сон зверька, юноша устроился рядом на камне.

А лисёнку тем временем снился чудесный сон. Будто обратилась она прекрасной девой и гуляет с хозяином рука об руку. И надо же было так неловко оступиться, чтобы полететь прямо в его объятия! «Ах, как же сладко пахнет господин Сюй...» — во сне Сяо Бай довольно замурлыкал, забавно шевеля усами и сладко облизываясь.